

Кондратьева Е. Н.,
доцент кафедры истории и филологии
Дальнего Востока Института восточных культур
и античности Российского государственного
гуманитарного университета (РГГУ ИВКА),
канд. филол. наук, г. Москва.
Kondratyeva E.,
Associated professor,
Russian State University for the humanities

**ОТРАЖЕНИЕ ВНЕШНИХ СВЯЗЕЙ
СРЕДНЕВЕКОВОЙ КОРЕИ В УЧЕБНЫХ ПОСОБИЯХ
ПО ИЗУЧЕНИЮ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ
(НА ПРИМЕРЕ УЧЕБНОГО ПОСОБИЯ ЧХОПХЭ СИНО
첩해신어 捷解新語, 1676)**

**THE REFLECTION OF THE STATE POLICY
OF MEDIEVAL KOREA TOWARD FOREIGNERS
IN FIRST TEXTBOOKS FOR STUDYING LANGUAGES
(ON MATERIAL OF CH'ŎPHAЕ SINŎ 첩해신어 捷解新語, 1676)**

This paper is dedicated to the exemplary bilingual text used for study of Japanese in Medieval Korea, the so-called Ch'ŏphae sinŏ (첩해신어 捷解新語, 1676). These text contains practical expressions and information needed by those Koreans who contacted the Japanese, that is why we focus on it's rich and historically valuable cultural context to describe the reflection of the diplomatic relationship and state policy of Korea toward foreigners in this textbook: the general impression of the Japanese, Tsushima's vassal position, Korean attempts to limit contacts, Japanese' delaying tactic, their complaining, refusing as long as possible to take goods in an attempt to extend their stay in Korea etc.

Key words: *bilingual text, Middle Korean, Japanese in Medieval Korea.*

Настоящая работа посвящена анализу двуязычного учебного пособия Чхонхэ сино 첩해신어 捷解新語 (далее – ЧС), написанного в Корее в конце XVII в. для подготовки переводчиков японского языка, состоящих на государственной службе. В отличие от других пособий, в большинстве своем анонимных либо привезенных из страны изучаемого языка, этот текст уникален тем, что автор его доподлинно известен, это был Кан Усон, служивший при дворе в должности переводчика. Особый интерес исследователей к этому тексту обусловлен многими факторами, в частности, тем, что он отражает именно корейский взгляд на обучение, политику, взаимоотношения с соседними странами и т. д. Чтобы понять, с какими целями и в каком историческом контексте ЧС было написано, попытаемся сначала кратко проанализировать взаимоотношения Кореи с другими странами и понять расстановку сил в регионе.

В силу своего географического положения на протяжении всей истории Корея находилась в непрерывном контакте с соседними странами и народами и вынуждена была проводить грамотную внешнюю политику для сохранения целостности государства и безопасности правящего дома. Процесс установления дружественных отношений и урегулирования возникающих конфликтов

носил свои специфические именно для корейской ситуации черты. Обращаясь к этому вопросу, следует учитывать, что Корея никогда не была доминирующей силой в Восточной Азии и, соответственно, была вынуждена признавать власть соседних стран и народов не один раз. Тем не менее все существовавшие правящие династии удерживали престол в течение довольно долгого времени, и ни одна из них не была свергнута в результате иноземного вторжения. Даже в случае признания поражения в военных конфликтах правитель Кореи все равно сохранял престол в своих руках, и страна фактически продолжала оставаться независимой территорией [4, 1–2].

Традиционно по отношению к окружающим ее странам Корея старалась придерживаться политики *саде кёрин* 사대교린 事大交隣 (служение старшему, дружба с соседями), однако не всегда события развивались по мирному сценарию. Поскольку Корея практически никогда не представляла собой влиятельную военную силу в регионе, считалось, что вместо содержания огромной армии для защиты страны гораздо более выгодно будет подготовить несколько грамотных переводчиков, которые смогут вести переговоры с неприятелем и урегулировать возникающие конфликты. Таким образом, Корея была первой и единственной страной в регионе, где подготовка переводчиков для придворной службы считалась делом государственной важности и была взята под официальный контроль еще на самых ранних этапах становления государства.

Ниже мы рассмотрим кратко основные события и важные вехи в истории взаимоотношений Кореи с ее соседями для понимания той ситуации, в которой находилась страна, и какие условия привели к созданию института государственных переводчиков в Корее.

Как хорошо известно, с самым большим и влиятельным соседом – Китаем – Корея старалась придерживаться политики *садэ*, что подразумевало обмен посольствами, торговые отношения, помощь и покровительство со стороны Китая. Официально свое вассальное положение по отношению к Китаю Корея признала во время прихода к власти монгольской династии Юань (1271–1368) в середине XIII в. Вассалитет Корё, который при предшествующих династиях Тан и Сун был номинальным, теперь обрел реальное воплощение. Начиная с Чхуннёль-вана, официально признавшего свое подчиненное положение, имена корёским правителям давались китайским императором. Это имя само по себе обнаруживает подчиненное положение корейского двора юаньской империи: во-первых, в нем использован *иероглиф ван* 王 왕 – «ван, правитель» вместо уже устоявшейся практики использования иероглифов *чон* (-джон) 宗 종 или *чо* (-джо) 祖 조 – «основатель» в именах корейских правителей (например, Чхунсон-ван, Чхунсук-ван, Чхунхе-ван, Чхунмок-ван, Чхунджон-ван и т. д., ср. Тхэджо, Хеджон, Чонджон и т. д.); во-вторых, первый иероглиф имени *чхун* 忠 충 – «верный, преданный» был закреплен монголами как начальный иероглиф посмертных имен корейских правителей. Учитывая такое отношение Чхуннёль-вана к монгольскому сюзеренитету, полагаем, он должен был способствовать тому, чтобы чиновники, служащие при дворе, изучали монгольский язык, потому что зачастую судьба страны зависела именно от личных контактов корёских переводчиков и юаньских сановников [2, 326].

После того, как династия Мин сменила династию Юань в Китае в 1368 г., корейский двор начал придерживаться строго проминской политики. Сохранились свидетельства того, что корейские посольства и миссии в Китай отправлялись до трех раз в год, в то время как Мин пыталась ограничить их до одного раза в три года. Чиновники из Китая также довольно часто прибывали к корейскому двору, что еще раз подтверждает тот факт, что, начиная с самых ранних этапов развития взаимоотношений Кореи и Китая, основная потреб-

ность, связанная с налаживанием коммуникации, сводилась к подготовке переводчиков именно для официальных контактов.

Другим соседом Кореи на северном пограничье были племена чжурчжэней. И при династии Корё, и во время правления последней династии Чосон (1392–1910) корейцы пытались наладить торговые отношения со степными племенами, которые поставляли меха и лошадей, а сами закупали ткани и продовольствие, что, однако, не могло предотвратить открытых конфликтов и набегов со стороны степняков в разные периоды истории.

В конце XVI–начале XVII в. во время усиления влияния цзяньчжоуских чжурчжэней в северо-восточной Азии корейский двор вел активную переписку и переговоры с Нурхацзи, в правление которого была адаптирована уйгурская письменность для записи чжурчжэньского языка. Это письмо позднее было усовершенствовано в правление сына Нурхацзи Абахая, который был одним из тех, кто официально принял для своего народа именование *маньчжуры*.

Когда же власть «северных варваров» в регионе настолько укрепилась, что Абахай провозгласил в Китае новую империю Цин и провел несколько разорительных походов маньчжуров в глубь полуострова, корейскому двору ничего не оставалось делать, как признать сюзеренитет династии Цин, тем более что условия «вассальных» отношений мало чем отличались от предыдущих.

Следующим важным направлением внешней политики средневековой Кореи было урегулирование непростых отношений с Японией. Неоднозначность этих взаимоотношений заключалась в том, что на фоне активной торговли, регулярного обмена посольствами и прочего вполне мирного взаимодействия Корея постоянно страдала от набегов японских пиратов (с начала XIV по конец XVI в.).

Итак, мы видим, что Корея на протяжении всей своей истории была в тесном контакте с соседними странами и народами, и контакты эти носили не только дипломатический, мирный характер. Для поддержания добрососедских отношений, а также урегулирования непростых ситуаций, угрожающих корейскому двору и целостности государства, широко привлекались чиновники-переводчики, прошедшие специальную подготовку в созданном для этих целей ведомстве.

Первое упоминание в корейской истории об учреждении специального ведомства переводов относится к X в. Следующая запись в летописях появляется только спустя 350 лет и относится ко второму году правления Чхуннён-вана (1276), в ней говорится о том, что учреждено ведомство *Тхонмунгван* для подготовки чиновников низших рангов, специализирующихся на китайском языке. Позже оно было переименовано в *Сяёгвон* и на протяжении следующих 500 лет функционировало как уникальный институт, отвечающий за подготовку чиновников-переводчиков для государственной службы. Китайское и монгольское отделения были открыты сразу после восстановления ведомства в 1393 г., после прихода к власти династии Чосон, японский язык был добавлен в 1414 г., а чжурчжэньский в 1426 г.

Необходимо отметить, что формально отношения и торговля с чжурчжэнями и японцами понимались корейским двором как «обмен подарками» в рамках «формального вассалитета», аналогичного по структуре отношениям Кореи с Китаем. Японцам и чжурчжэням, считавшимся более слабыми и менее «цивилизованными» народами, чем корейцы, давалось право преподнести «дань» чосонскому двору и получить в обмен «ответные подарки» – корейские предметы роскоши, рис и т. д. Представление о Корее как о «наиболее цивилизованной среди варварских стран», следующей сразу за Китаем в культурной иерархии, разделялось и китайским двором.

Остановимся более подробно на особенностях контактов с Японией и той

информации, которую мы можем почерпнуть из исследуемого текста ЧС.

Отличительной особенностью взаимоотношений Японии и Кореи было наличие так называемого «посредника», которым служил остров Цусима. Эта посредническая миссия была возложена на семью Со, а после реставрации Мейдзи (1868) ее функции приняло на себя Министерство иностранных дел. По договору, заключенному с *даймё* о-ва Цусима в 1443 г., японские торговцы получили право заходить в три южных порта и проживать там по торговым делам. Тогда же были созданы в Пусанпхо (совр. Пусан) и Наэпхо (совр. Чхонпхо) так называемые *вегваны* (яп. вакан) – обнесенные стеной поселения японцев, в которых велась торговля и проводились встречи корейских и японских чиновником, миссий, послов и т. д. [1, 129]. После Имджинской войны (1592–1598) японцам было запрещено свободно передвигаться по стране и въезжать в столицу, поэтому вся активная деятельность и контакты с японскими чиновниками и торговцами ограничивались именно *вегванами*. Подобные поселения просуществовали вплоть до реставрации Мейдзи и стали первыми консульствами Японии на территории Кореи.

После прихода в XVII в. к власти в Китае маньчжурской династии, «северных варваров», Корея стала считать себя главным оплотом конфуцианства, хранителем традиций и культуры [3, 2], что также наложило свой отпечаток на характер отношений с соседями.

Согласно конфуцианской традиции, торговцы представляли собой самый низший класс общества, следуя за учеными, крестьянами и ремесленниками. Соответственно, торговая и коммерческая деятельность в Корее разрешалась, но официально не поддерживалась. Для японцев же «подношения» чосонскому двору в рамках отношений формального сюзеренитета Кореи были не чем иным как особой формой торговли, и основной целью этих отношений было налаживание и расширение этих возможностей.

Корейцы же смотрели на эти контакты совершенно иначе. Они в ответ дарили японцам подарки гораздо более ценные, чем те, что были поднесены корейскому двору, размещали на своей территории, содержали, снабжали едой и всем необходимым – все это делалось не для получения какой-то материальной выгоды для Кореи. Это было, скорее, воплощением китайской традиции «проявления доброты и заботы старшего по отношению к младшему» и служило показателем того, что Корея имеет для этого соответствующий статус и признание. Так, корейцы всегда подчеркивали именно политический и дипломатический характер отношений с Цусимой.

Позиция «старшего товарища» прослеживается и в тексте ЧС, когда, например, японские чиновники жалуются на плохие условия проживания в *вегване* и вместо того, чтобы самостоятельно решить эти проблемы, обращаются к представителям корейской власти, чтобы те решили эти вопросы.

Помимо проявления конфуцианских принципов в отношении Японии одной из главных целей, преследуемых корейским двором, был контроль деятельности японцев на южном побережье полуострова, обусловленный сложной ситуацией в регионе. Когда на северных рубежах все более росла угроза от набирающих силу маньчжуров, Корее надо было быть уверенной, что со стороны Японии больше не будет никаких вторжений и южному побережью ничто не угрожает – ни пираты, ни официальные войска. Такой контроль подразумевал ограничение численности японских торговцев, находящихся в Корее, настолько, насколько можно, но чтобы это не привело к возобновлению конфликтов. Япония же, в свою очередь, наоборот, делала все возможное, чтобы увеличить численность своих представителей на территории Кореи, а также расширить возможности для торговли.

Весь этот сложный набор противоречивых отношений нашел свое отражение в тексте ЧС как основная тенденция японцев с Цусимы твердо и даже агрессивно отстаивать свои интересы и требования, встречая со стороны корейцев попытки сгладить конфликт, уступая, однако, настолько мало, насколько возможно.

Количество японцев, находящихся в Корее, лимитировалось специальными договоренностями и документами. Так, согласно договору, заключенному между Кореей и Цусимой в 1609 г., который даже с учетом некоторых поправок практически в неизменном виде действовал до конца XIX в., регулярные миссии делились на два типа: три «особые» миссии и до семнадцати обычных в год. Помимо этого дипломатические миссии могли прибывать по мере необходимости.

Для японцев регулярные миссии отправлялись, прежде всего, с торговыми целями, однако корейцы настаивали на соблюдении дипломатического протокола. В зависимости от типа миссии соблюдались ритуалы разного уровня.

Длительность пребывания на территории Кореи также варьировалась: для «особых» миссий – 110 дней, однако счет начинался не со дня прибытия судна, а со дня проведения особой чайной церемонии в честь высадки на берег.

Из товаров для торговли (или «обмена», как это преподносилось) японцы везли в Корею в основном медь и олово в обмен на ткани, хлопок и изделия из него. В четвертом *квоне* описана инспекция металлов и осмотр хлопка. Сначала японцы просят принести его как можно скорее, потом сокрушаются по поводу ненадлежащего качества товара и отказываются принять его. Такая тактика – откладывать все на как можно долгий срок и затягивать все мероприятия и процедуры – является характерной чертой японцев и прослеживается во многих диалогах ЧС. Объясняется это тем, что чем дольше миссия сможет задержаться на территории Кореи, тем больше сделок они смогут заключить на частных рынках, где цены и количество товаров не регулируются, и, соответственно, можно большую личную выгоду получить.

В качестве примера можно привести следующие диалоги из первого *квона*:

1. (Корейский чиновник приходит на прибывший корабль японской миссии):

Кор.: 정관은 어 ㄱ 겨시온고? Где старший посол?

Яп.: 정관은 ㄱ 멀미 ㄱ 여 인 ㄱ 몰라 아 ㄱ 누어 ㄱ ㄱ. В пути у него началась морская болезнь, и он потерял самообладание, сейчас он лежит внизу.

Кор.: 서계를 내셔 ㄱ 보 ㄱ 새. Когда Вы предоставите мне документы миссии, посмотрим их [вместе].

Яп.: 그리 ㄱ 오려니와 김피 드렸 ㄱ 오히려 별 ㄱ 일도 업 ㄱ 오히려 ㄱ 일 보 ㄱ 소 Я так и хотел, но они глубоко убраны, если [у вас] нет других дел, посмотрите их завтра.

2. Завуалированная попытка перенести или отложить проведение чайной церемонии, которая считается официальным стартом миссии:

Кор.: 다례 ㄱ 명일 ㄱ 오히려 미리 ㄱ 허 겨시다가 나실 양으로 ㄱ 쇼셔. Проведем церемонию завтра, подготовьтесь, пожалуйста, к ней заранее.

Яп.: 아 ㄱ 게 그리 ㄱ 오리 다만 정관이 본 ㄱ 병든 사 ㄱ 이 더니 엇디 ㄱ 디 오며셔브터 ㄱ 병드려 머글 ㄱ 도 잘 못 먹고 누엇 ㄱ 오히려 나디 몰 ㄱ 가 녀기오니 우리 ㄱ 나올 쇠. [Спасибо, что] сообщили. Так и сделаем. Только у старшего посла всегда было слабое здоровье, и по приезду он снова заболел. Даже есть не может и только лежит. Боюсь, он не сможет прийти завтра. Возможно, будем только мы.

Кор.: 그러면 엇디 브 ㄱ ㄱ 일 ㄱ 실 양으로 니르 ㄱ 시던고? 정관의 기상도 아디 몰 ㄱ 고 송사의 연고 업 ㄱ 양으로 ㄱ 와 ㄱ 일로 던 ㄱ ㄱ 이제야셔 정관의 병이라 니 ㄱ 시

니 정관이 나디 아니면 우리의 그림은 발명 못 거시니 비록 정관이 병드르실
떠라도 다례 거 줄도시간이오니 나셔 과연 견디디 못 거든 몬져 니르실디라도
내 미혹을 프르시과다 Тогда почему Вы просили провести церемонию завтра?
Я не знал [про болезнь] старшего посла и уже сообщил, что у послов нет ника-
ких проблем и церемония состоится завтра. Вы только сейчас сообщаете, что
старший посол болен. Если он не выйдет, у нас не будет оправданий. Даже если
он болен, церемония не будет долгой, [пусть он] присоединится [ко всем]. Если
ему будет трудно, он сможет уйти раньше. Это избавило бы меня от проблем.

Из этого отрывка мы видим, что корейский чиновник поставлен в ситуа-
цию нелегкого выбора – соблюсти оговоренные сроки и провести церемонию,
но отойти от требований протокола или перенести ее на более поздний срок,
но получить недовольство местного начальства.

Далее из текста следует, что вторая особая миссия имеет в своем составе
дополнительное судно, не предусмотренное документами, однако корейская
сторона не применяет никаких штрафных санкций. Такие уступки в отноше-
нии прибывающих судов говорят об ослаблении позиции Кореи в то время,
поскольку страна пыталась восстановиться после Имджинской войны в усло-
виях сохраняющейся потенциальной угрозы с юга от пиратов и нарастающей
силы маньчжуров на северных границах. И подобных примеров в тексте ЧС
довольно много.

Данная работа представляет собой лишь первый шаг на пути более деталь-
ного анализа текста памятника, представляющего огромный интерес не только
для лингвистов, но также историков, этнографов и других специалистов, ис-
следующих Корею в контексте всего дальневосточного ареала в средние века.

Литература:

1. Кондратьева, Е. Н. Изучение иностранных языков и подготовка перевод-
чиков в средневековой Корее / Е. Н. Кондратьева // Institutionis Conditori: Илье
Сергеевичу Смирнову / ред.-сост. : Н. П. Гринцер, М. А. Русанов, Л. Е. Коган
[и др.] (Orientalia et Classica: Труды Института восточных культур и антично-
сти. – Выпуск L). – М. : РГГУ, 2013. – С. 127–135.
2. Тихонов, В. М. История Кореи. – Т. 1: С древнейших времен до 1876 года /
В. М. Тихонов. – М. : Муравей, 2003.
3. Deuchler M., Confucian gentlemen and Barbarian Envoys: The opening of
Korea, 1875–1885. – Seattle : University of Washington Press, 1977.
4. Song Ki-joon. The Study of Foreign Languages in the Choson Dynasty (1392–
1910). – Seoul, 2001.